Федор Михайлович Достоевский

Чужая жена и муж под кроватью

Федор Михайлович Достоевский
Чужая жена и муж под кроватью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175217
Достоевский Ф. М. Чужая жена и муж под кроватью / Чужая жена и муж под кроватью: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-21238-5

Аннотация

«– Сделайте одолжение, милостивый государь, позвольте вас спросить… Прохожий вздрогнул и несколько в испуге взглянул на господина в енотах, приступившего к нему так без обиняков, в восьмом часу вечера, среди улицы. А уж известно, что если один петербургский господин вдруг заговорит на улице о чем-нибудь с другим, совершенно незнакомым ему господином, то другой господин непременно испугается…»

Содержание

I 4
II 28

Федор Михайлович Достоевский
Чужая жена и муж под кроватью
Происшествие необыкновенное

I

– Сделайте одолжение, милостивый государь, позвольте вас спросить…

Прохожий вздрогнул и несколько в испуге взглянул на господина в енотах, приступившего к нему так без обиняков, в восьмом часу вечера, среди улицы. А уж известно, что если один петербургский господин вдруг заговорит на улице о чем-нибудь с другим, совершенно незнакомым ему господином, то другой господин непременно испугается.

Итак, прохожий вздрогнул и несколько испугался.

– Извините, что я вас потревожил, – говорил господин в енотах, – но я… я, право, не знаю… вы, вероятно, извините меня; вы видите, я в некотором расстройстве духа…

Тут только заметил молодой человек в бекеше, что госпо-

дин в енотах был точно в расстройстве. Его сморщенное лицо было довольно бледненько, голос его дрожал, мысли, очевидно, сбивались, слова не лезли с языка, и видно было, что ему ужасного труда стоило согласить покорнейшую просьбу, может быть к своему низшему в отношении степени или сословия лицу, с нуждою непременно обратиться к кому-нибудь с просьбой. Да и, наконец, просьба эта во всяком случае была неприличная, несолидная, странная со стороны человека, имевшего такую солидную шубу, такой почтенный, превосходного темно-зеленого цвета фрак и такие многознаменательные украшения, упещрявшие этот фрак. Видно было, что все это смущало самого господина в енотах, так что наконец, расстроенный духом, господин не выдержал, решился подавить свое волнение и прилично замять неприятную сцену, которую сам же вызвал.

– Извините меня, я не в себе; но вы, правда, меня не знаете… Извините, что обеспокоил вас; я раздумал.

Тут он приподнял из учтивости шляпу и побежал далее.

– Но позвольте, сделайте милость.

Маленький человек, однако, скрылся во мраке, оставив в остолбенелом состоянии господина в бекеше.

«Что за чудак!» – подумал господин в бекеше. Потом, как следует подивившись и вышед наконец из остолбенелого состояния, он вспомнил про свое и начал прохаживаться взад и вперед, пристально глядя на ворота одного бесконечно-этажного дома. Начинал падать туман, и молодой человек

несколько обрадовался, ибо прогулка его при тумане была незаметнее, хотя, впрочем, только какой-нибудь безнадежно весь день простоявший извозчик мог заметить ее.

– Извините!

Прохожий опять вздрогнул: опять тот же господин в енотах стоял перед ним.

– Извините, что я опять… – заговорил он, – но вы, вы – верно, благородный человек! Не обращайте на меня внимания как на лицо, взятое в общественном смысле; я, впрочем, сбиваюсь; но вникните, по-человечески… перед вами, сударь, человек, нуждающийся в покорнейшей просьбе…

– Если могу… что вам угодно?

– Вы, может, подумали, что уж я у вас денег прошу! – сказал таинственный господин, кривя рот, истерически смеясь и бледнея.

– Помилуйте-с…

– Нет, я вижу, что я вам в тягость! Извините, я не могу переносить себя; считайте, что вы видите меня в расстроенном состоянии духа, почти в сумасшествии, и не заключите чего-нибудь…

– Но к делу, к делу! – отвечал молодой человек, ободрительно и нетерпеливо кивнув головой.

– А! Теперь вот как! Вы, такой молодой человек, мне напоминаете о деле, как будто я какой нерадивый мальчишка! Я решительно выжил из ума!.. Как я вам кажусь теперь в моем унижении, скажите откровенно?

Молодой человек сконфузился и смолчал.

– Позвольте вас спросить откровенно: не видали ль вы одной дамы? В этом вся просьба моя! – решительно проговорил, наконец, господин в енотовой шубе.

– Дамы?

– Да-с, одной дамы.

– Я видел… но их, признаюсь, так прошло много…

– Так точно-с, – отвечал таинственный человек с горькой улыбкой. – Я сбиваюсь, я не то хотел спросить, извините меня; я хотел сказать, не видали ль вы одной госпожи в лисьем салопе, в темном бархатном капоре с черной вуалью?

– Нет, такой не видал… нет, кажется, не заметил.

– А! В таком случае извините-с!

Молодой человек хотел что-то спросить, но господин в енотах опять исчез, опять оставив в остолбенелом состоянии своего терпеливого слушателя. «А, черт бы его взял!» – подумал молодой человек в бекеше, очевидно расстроенный.

Он с досадою закрылся бобром и опять стал прохаживаться, соблюдая предосторожности, мимо ворот бесконечно-этажного дома. Он злился.

«Что ж она не выходит? – думал он. – Скоро восемь часов!» На башне пробило восемь часов.

– Ах! Черт вас возьми, наконец!

– Извините-с!..

– Извините меня, что я вас так… Но вы так подкатились мне под ноги, что испугали совсем, – проговорил прохожий,

морщась и извиняясь.

– Я опять к вам-с. Конечно, я вам должен казаться беспокойным и странным-с.

– Сделайте одолжение, без пустяков, объяснитесь скорее; я еще не знаю, в чем ваше желанье?..

– Вы торопитесь? Видите ли-с. Я вам все расскажу откровенно, без лишних слов. Что ж делать! Обстоятельства связывают иногда людей совершенно разнородных характеров… Но, я вижу, вы нетерпеливы, молодой человек… Так вот-с… впрочем, я не знаю, как и говорить: я ищу даму-с (я уж решился все говорить) Я именно должен знать, куда пошла эта дама? Кто она – я думаю, вам не нужно знать ее имени, молодой человек.

– Ну-с, ну-с, дальше.

– Дальше! Но ваш тон со мной! Извините, может быть, я вас оскорбил, назвав вас молодым человеком, но я не имел ничего… одним словом, если вам угодно оказать мне величайшую услугу, так вот-с, одна дама-с, то есть я хочу сказать порядочная женщина, из превосходного семейства, моих знакомых… мне поручено… я, видите ли, сам не имею семейства…

– Ну-с.

– Вникните в мое положение, молодой человек (ах, опять! Извините-с; я все называю вас молодым человеком). Каждая минута дорога… Представьте себе, эта дама… но не можете ли вы мне сказать, кто живет в этом доме?

– Да… тут много живут.

– Да, то есть вы совершенно справедливы, – отвечал господин в енотах, слегка засмеявшись для спасения приличий, – чувствую, я немного сбиваюсь… но к чему такой тон ваших слов? Вы видите, что я чистосердечно сознаюсь в том, что сбиваюсь, и если вы надменный человек, то уж вы достаточно видели мое унижение… Я говорю, одна дама, благородного поведения, то есть легкого содержания, – извините, я так сбиваюсь, точно про литературу какую говорю; вот – выдумали, что Поль де Кок[1] легкого содержания, а вся беда от Поль де Кока-то-с… вот!..

Молодой человек с сожалением посмотрел на господина в енотах, который, казалось, окончательно сбился, замолчал, глядел на него, бессмысленно улыбаясь, и дрожащею рукою, без всякой видимой причины, хватал его за лацкан бекеши.

– Вы спрашиваете, кто здесь живет? – спросил молодой человек, несколько отступая назад.

– Да, многие живут, вы сказали.

– Здесь… я знаю, что здесь Софья Остафьевна тоже живет, – проговорил молодой человек шепотом и даже с каким-то соболезнованием.

– Ну, вот видите, видите! Вы что-нибудь знаете, молодой человек?

– Уверяю вас, нет, ничего не знаю… Я судил по расстро-

---

[1] Поль де Кок – французский писатель XIX в., чье имя стало символом фривольной литературы

енному вашему виду.

– Я тотчас узнал от кухарки, что она сюда ходит; но вы не на то напали, то есть не к Софье Остафьевне…она с ней незнакома…

– Нет? Ну, извините-с…

– Видно, что вам это все неинтересно, молодой человек, – проговорил странный господин с горькой иронией.

– Послушайте, – сказал молодой человек, заминаясь, – я в сущности не знаю причины вашего состояния, но вам, верно, изменили, вы скажите прямо?

Молодой человек одобрительно улыбнулся.

– Мы по крайней мере поймем друг друга, – прибавил он, и все тело его великодушно обнаружило желание сделать легкий полупоклон.

– Вы убили меня! Но – откровенно признаюсь вам – именно так… но с кем не случается!.. До глубины тронут вашим участием. Согласитесь, между молодыми людьми… Я хоть не молод, но, знаете, привычка, холостая жизнь, между холостёжью, известно…

Ну, уж известно, известно! Но чем же я могу вам помочь?

– А вот-с; согласитесь, что посещать Софью Остафьевну… Впрочем, я еще не знаю наверное, куда пошла эта дама; я знаю только, что она в этом доме; но, видя вас прогуливающимся, – а я сам прогуливался по той стороне, – думаю… я вот, видите ли, жду эту даму… я знаю, что она тут, – мне бы хотелось встретить ее и объяснить, как неприлично и гнус-

но… одним словом, вы меня понимаете…

– Гм! Ну!

– Я и не для себя это делаю; вы не подумайте – это чужая жена! Муж там стоит, на Вознесенском мосту; он хочет поймать, но он не решается – он еще не верит, как и всякий муж… (тут господин в енотах хотел улыбнуться), я – друг его; согласитесь сами, я человек, пользующийся некоторым уважением, – я не могу быть тем, за кого вы меня принимаете.

– Конечно-с; ну-с, ну-с!..

– Так вот, я все ее ловлю; мне поручено-с (несчастный муж!); но я знаю, это хитрая молодая дама (вечно Поль де Кок под подушкой); я уверен, что она прошмыгнет как-нибудь незаметно… Мне, признаюсь, кухарка сказала, что она ходит сюда; я как сумасшедший бросился, только что известие получил; я хочу поймать; я давно подозревал и потому хотел просить вас, вы здесь ходите… вы – вы – я не знаю…

– Ну, да, наконец, что ж вам угодно?

– Да-с… Не имею чести знать вас; не смею любопытствовать, кто и как… Во всяком случае, позвольте познакомиться; приятный случай!..

Дрожащий господин жарко потряс руку молодого человека.

– Это бы я должен был сделать в самом начале, – прибавил он, – но я забыл все приличие!

Говоря, господин в енотах не мог постоять на месте, с бес-

покойством оглядывался по сторонам, семенил ногами и поминутно, как погибающий, хватался рукою за молодого человека.

– Видите ли-с, – продолжал он, – я хотел обратиться к вам по-дружески… извините за вольность… хотел испросить у вас, чтоб вы ходили – по той стороне и со стороны переулка, где черный выход, эдак, *покоем,* описывая букву *П,* то есть. Я тоже, с своей стороны, буду ходить-с у главного подъезда, так что мы не пропустим; а я все боялся один пропустить; я не хочу пропустить. Вы, как увидите ее, то остановите и закричите мне…Но я сумасшедший! Только теперь вижу всю глупость и неприличие моего предложения!

– Нет, что ж! Помилуйте!..

– Не извиняйте меня; я в расстройстве духа, я теряюсь, как никогда не терялся! Точно меня под суд отдали! Я даже признаюсь вам – я буду благороден и откровенен с вами, – молодой человек: я даже вас принимал за любовника.

– То есть, попросту, вы хотите знать, что я здесь делаю?

– Благородный человек, милостивый государь, я далек от мысли, что вы *он;* я не замараю вас этою мыслию, но… но даете ли вы мне честное слово, что вы не любовник?..

– Ну, хорошо, извольте, честное слово, что любовник, но не вашей жены; иначе бы я не был на улице, а был бы теперь вместе с нею!

– Жены? Кто вам сказал жены, молодой человек? Я холостой, я, то есть, сам любовник…

– Вы говорили, есть муж… на Вознесенском мосту…

– Конечно, конечно, я заговариваюсь; но есть другие узы! И согласитесь, молодой человек, некоторая легкость характеров, то есть…

– Ну, ну! Хорошо, хорошо!

– То есть я вовсе не муж…

– Очень верю-с. Но откровенно говорю вам, что разуверяя вас теперь, хочу сам себя успокоить и оттого собственно с вами и откровенен; вы меня расстроили и мешаете мне. Обещаю вам, что кликну вас. Но прошу вас покорнейше дать мне место и удалиться. Я сам тоже жду.

– Извольте, извольте-с, я удаляюсь, я уважаю страстное нетерпение вашего сердца. Я понимаю это, молодой человек. О, как я вас теперь понимаю!

– Хорошо, хорошо…

– До свидания!.. Впрочем, извините, молодой человек, я опять к вам… Я не знаю, как сказать… Дайте мне еще раз честное и благородное слово, что вы не любовник!

– Ах, господи, бог мой!

– Еще вопрос, последний: вы знаете фамилию мужа вашей… то есть той, которая составляет ваш предмет?

– Разумеется, знаю; не ваша фамилия, и кончено дело!

– А почему ж вы знаете мою фамилию?

– Да послушайте, ступайте; вы теряете время: она уйдет тысячу раз… Ну, что же вы? Ну, ваша в лисьем салопе и в капоре, а моя в клетчатом плаще и в голубой бархатной

шляпке… Ну, что ж вам еще? Чего ж больше?

– В голубой бархатной шляпке! У ней есть и клетчатый плащ и голубая шляпка, – закричал неотвязчивый человек, мигом возвратившись с дороги.

– Ах, черт возьми! Ну, да ведь это может случиться… Да, впрочем, что ж я! Моя же туда не ходит!

– А где она – ваша?

– Вам это хочется знать; что ж вам?

– Признаюсь, я все про то…

– Фу, бог мой! Да вы без стыда без всякого! Ну, у моей здесь знакомые, в третьем этаже, на улицу. Ну, что ж вам, по именам людей называть, что ли?

– Бог мой! И у меня есть знакомые в третьем этаже, и окна на улицу. Генерал…

– Генерал?!

– Генерал. Я вам, пожалуй, скажу, какой генерал: ну, генерал Половицын.

– Вот тебе на! Нет, это не те! (Ах, черт возьми! Черт возьми!)

– Не те?

– Не те.

Оба молчали и в недоумении смотрели друг на друга.

– Ну, что ж вы так смотрите на меня? – вскрикнул молодой человек, с досадою отряхая с себя столбняк и раздумье.

Господин заметался.

– Я, я, признаюсь…

– Нет, уж позвольте, позвольте, теперь будемте говорить умнее. Общее дело. Объясните мне… Кто у вас там?..

– То есть знакомые?

– Да, знакомые…

– Вот видите, видите! Я по глазам вашим вижу, что я угадал!

– Черт возьми! Да нет же, нет, черт возьми! Слепы вы, что ли? Ведь я перед вами стою, ведь я не с ней нахожусь; ну! ну же! Да, впрочем, мне все равно; хоть говорите, хоть нет!

Молодой человек в бешенстве повернулся два раза на каблуке и махнул рукой.

– Да я ничего, помилуйте, как благородный человек, я вам все расскажу: сначала жена сюда ходила одна; она им родня; я и не подозревал; вчера встречаю его превосходительство: говорит, что уж три недели как переехал отсюда на другую квартиру, а же… то есть не жена, а чужая жена (на Вознесенском мосту), эта дама говорила, что еще третьего дня была у них, то есть на этой квартире… А кухарка-то мне рассказала, что квартиру его превосходительства снял молодой человек Бобыницын…

– Ах, черт возьми, черт возьми!..

– Милостивый государь, я в страхе, я в ужасе!

– Э, черт возьми! Да мне-то какое дело до того, что вы в страхе и в ужасе? Ах! Вон-вон мелькнуло, вон…

– Где? Где? Вы только крикните: Иван Андреич, а я побегу…

– Хорошо, хорошо. Ах, черт возьми, черт возьми! Иван Андреич!!

– Здесь, – закричал воротившийся Иван Андреич, совсем задыхаясь. – Ну, что? что? где?

– Нет, я только так… я хотел знать, как зовут эту даму?

– Глаф…

– Глафира?

– Нет, не совсем Глафира… извините, я вам не могу сказать ее имя. – Говоря это, почтенный человек был бледен, как платок.

– Да, конечно, не Глафира, я сам знаю, что не Глафира, и та не Глафира; а впрочем, с кем же она?

– Где?

– Там! Ах, черт возьми, черт возьми! (Молодой человек не мог устоять на месте от бешенства.)

– А, видите! Почему же вы знали, что ее зовут Глафирой?

– Ну, черт возьми, наконец! Еще с вами возня! Да ведь вы говорите – вашу не Глафирой зовут!..

– Милостивый государь, какой тон!

– А, черт, не до тону! Что она, жена, что ли, ваша?

– Нет, то есть я не женат… Но не стал бы я сулить почтенному человеку в несчастье, человеку, – не скажу достойному всякого уважения, но по крайней мере воспитанному человеку, черта на каждом шагу. Вы все говорите: черт возьми! черт возьми!

– Ну да, черт возьми! Вот же вам, понимаете?

– Вы ослеплены гневом, и я молчу. Боже мой, кто это?

– Где?

Раздался шум и хохот; две смазливые девушки вышли с крыльца; оба бросились к ним.

– Ах какие! Что вы?

– Куда вы суетесь?

– Не те!

– Что, не на тех напали! Извозчик!

– Куда вас, мамзель?

– К Покрову; садись, Аннушка, я довезу.

– Ну, а я с той стороны; пошел! Смотри же, шибче вези…

Извозчик уехал.

– Это откуда?

– Боже мой, боже! Но не пойти ли туда?

– Куда?

– Да к Бобыницыну.

– Нет-с, нельзя…

– Отчего?

– Я бы, конечно, пошел; но тогда она скажет другое; она… обернется: а ее знаю! Она скажет, что нарочно пришла, чтоб меня поймать с кем-нибудь, да беду на меня же и свалит!

– И знать, что, может быть, там она! Да вы – я не знаю, почему же – ну, да вы подите к генералу-то…

– Да ведь он переехал!

– Все равно, понимаете? Она же ведь пошла; ну, и вы тоже – поняли? Сделайте так, что как будто не знаете, что ге-

нерал переехал, приходите как будто к нему за женой, ну и так далее.

– А потом?

– Ну, а потом накрывайте кого следует у Бобыницына; фу, ты, черт, какой бестолк…

– Ну, а вам-то что до того, что я накрываю? Видите, видите!..

– Что, что, батенька? Что? Опять за то же, что прежде? Ах, ты, господи, господи! Срамитесь вы, смешной человек, бестолковый вы человек!

– Ну, да зачем же вы так интересуетесь? Вы хотите узнать…

– Что узнать? Что? Ну, да, черт возьми, не до вас теперь! Я и один пойду; ступайте, подите прочь; стерегите, бегайте там, ну!

– Милостивый государь, вы почти забываетесь! – закричал господин в енотах в отчаянии.

– Ну, что ж? Ну, что ж, что я забываюсь? – проговорил молодой человек, стиснув зубы и в бешенстве приступая к господину в енотах, – Ну, что ж? Перед кем забываюсь?! – загремел он, сжимая кулаки.

– Но, милостивый государь, позвольте…

– Ну, кто вы, перед кем забываюсь; как ваша фамилия?

– Я не знаю, как это, молодой человек; зачем же фамилию?.. Я не могу объявить… Я лучше с вами пойду. Пойдемте, я не отстану, я на все готов… Но, поверьте, я заслу-

живаю более вежливых выражений! Не нужно нигде терять присутствия духа, и если вы чем расстроены, – я догадываюсь чем, – то по крайней мере забываться не нужно… Вы еще очень, очень молодой человек!..

– Да что мне, что вы старый? Эка невидаль! Ступайте прочь; чего вы тут бегаете?..

– Почему ж я старый? Какой же я старый? Конечно, по званию, но я не бегаю…

– Это и видно. Да убирайтесь же прочь…

– Нет, уж я с вами; вы мне не можете запретить; я тоже замешан; я с вами…

– Ну, так тише же, тише, молчать!..

Оба они взошли на крыльцо и поднялись на лестницу в третий этаж; было темнехонько.

– Стойте! Есть у вас спички?

– Спички? Какие спички?

– Вы курите сигары?

– А, да! Есть, есть; здесь они, здесь; вот, постойте… – Господин в енотах засуетился.

– Фу, какой бестолков… черт! Кажется, эта дверь…

– Эта-эта-эта-эта-эта…

– Эта-эта-эта… что вы орете? Тише!..

– Милостивый государь, я скрепя сердце… вы дерзкий человек, вот что!..

Вспыхнул огонь.

– Ну, так и есть, вот медная дощечка! Вот Бобыницын;

видите: Бобыницын?..

– Вижу, вижу!

– Ти…ше! Что, потухла?

– Потухла.

– Нужно постучаться?

– Да, нужно! – отозвался господин в енотах.

– Стучитесь!

– Нет, зачем же я? Вы начните, вы постучите…

– Трус!

– Сами вы трус!

– Уб-бир-райтесь же!

– Я почти раскаиваюсь, что поверил вам тайну; вы…

– Я? Ну, что ж я?

– Вы воспользовались расстройством моим! Вы видели, что я в расстроенном духе…

– А наплевать! Мне смешно – вот и кончено!

– Зачем же вы здесь?

– А вы-то зачем?..

– Прекрасная нравственность! – заметил с негодованием господин в енотах…

– Ну, что вы про нравственность? Вы-то чего?

– А вот и безнравственно!

– Что?!!

– Да, по-вашему, каждый обиженный муж есть колпак!

– Да вы разве муж? Ведь муж-то на Вознесенском мосту? Что ж вам-то? Чего вы пристали?

– А вот мне кажется, что вы-то и есть любовник!..

– Послушайте, если вы будете так продолжать, то я должен буду признаться, что вы-то и есть колпак! то есть знаете кто?

– То есть вы хотите сказать, что я муж! – сказал господин в енотах, как будто кипятком обваренный, отступая назад.

– Тсс! Молчать! Слышите..

– Это она.

– Нет!

– Фу, как темно!

Все затихло; в квартире Бобыницына послышался шум.

– За что нам ссориться, милостивый государь? – прошептал господин в енотах.

– Да вы же, черт возьми, сами обиделись!

– Но вы меня вывели из последних границ.

– Молчите!

– Согласитесь, что вы еще очень молодой человек…

– Мол-чите же!

– Конечно, я согласен с вашей идеей, что муж в таком положении – колпак.

– Да замолчите ли вы? О!..

– Но к чему же такое озлобленное преследование несчастного мужа?..

– Это она!

Но шум в это время умолк.

– Она! Она! Она! Да вы-то, вы-то из чего хлопочете! Ведь не ваша беда!

– Милостивый государь, милостивый государь! – бормотал господин в енотах, бледнея и всхлипывая. – Я, конечно, в расстройстве… вы достаточно видели мое унижение; но теперь ночь, конечно, но завтра… впрочем, мы, верно, не встретимся завтра, хотя я и не боюсь встретиться с вами, – и это, впрочем, не я, это мой приятель, который на Вознесенском мосту; право, он! Это его жена, это чужая жена! Несчастный человек! Уверяю вас. Я с ним знаком хорошо; позвольте, я вам все расскажу. Я с ним друг, как вы можете видеть, ибо не стал бы я так теперь из-за него сокрушаться, – сами видите; я же несколько раз ему говорил: зачем ты женишься, милый друг? Звание есть у тебя, достаток есть у тебя, почтенный ты человек, что ж менять это все на прихоть кокетства! Согласитесь! Нет, женюсь, говорит: семейное счастие… Вот и семейное счастие! Сначала сам мужей обманывал, а теперь и пьет чашу… вы извините меня, но это объяснение было вынуждено необходимостию!.. Он несчастный человек и пьет чашу – вот!.. – Тут господин в енотах так всхлипнул, как будто зарыдал не на шутку.

– А чорт бы взял их всех! Мало ли дураков! Да вы кто такой?

Молодой человек скрежетал зубами от бешенства.

– Ну, уж после этого, согласитесь сами… я был с вами благороден и откровенен… Такой тон!

– Нет, позвольте, вы меня извините… как ваша фамилия?

– Нет, зачем же фамилия?

– А!!

– Мне нельзя сказать фамилию…

– Шабрина знаете? – быстро сказал молодой человек.

– Шабрин!!!

– Да, Шабрин! А!!! (Тут господин в бекеше несколько поддразнил господина в енотах.) Поняли дело?

– Нет-с, какой же Шабрин! – отвечал оторопевший господин в енотах, – совсем не Шабрин; он почтенный человек! Извиняю вашу невежливость мучениями ревности.

– Мошенник он, продажная душа, взяточник, плут, казну обворовал! Его скоро под суд отдадут!

– Извините, – говорил господин в енотах, бледнея, – вы его не знаете; совершенно, как я вижу, он вам неизвестен.

– Да, в лицо-то не знаю, а из других очень близких ему источников знаю.

– Милостивый государь, из какие источников? Я в расстройстве, вы видите…

– Дурак! Ревнивец! За женой не усмотрит! Вот он какой, коль приятно вам знать!

– Извините, вы в ожесточенном заблуждении, молодой человек…

– Ах!

– Ах!

В квартире Бобыницына послышался шум. Стали отворять дверь. Послышались голоса.

– Ах, это не она, не она! Я узнаю ее голос; я теперь узнал

все, это не она! – сказал господин в енотах, побледнев как платок.

– Молчать!

Молодой человек прислонился к стене.

– Милостивый государь, я бегу: это не она, я очень рад.

– Ну, ну! Ступайте, ступайте!

– А чего ж вы стоите?

– А вы-то чего?

Дверь отворилась, и господин в енотах, не выдержав, стремглав покатился с лестницы.

Мимо молодого человека прошли мужчина и женщина, и сердце его замерло… Послышался знакомый женский голос, и потом сиплый мужской, но совсем незнакомый.

– Ничего, я прикажу сани подать, – говорил сиплый голос.

– Ах! Ну, ну, согласна; ну, прикажите…

– Они там, сейчас.

Дама осталась одна.

– Глафира! Где твои клятвы? – вскричал молодой человек в бекеше, хватая за руку даму.

– Ай, кто это? Это вы, Творогов? Боже мой! Что вы делаете?

– С кем вы здесь были?

– Но это мой муж, уйдите, уйдите, он сейчас выйдет оттуда… от Половицыных; уйдите, ради бога, уйдите.

– Половицыны три недели как переехали! Я все знаю!

– Ай! – Дама бросилась на крыльцо. Молодой человек до-

гнал ее.

– Кто вам сказал? – спросила дама.

– Муж ваш, сударыня, Иван Андреич; он здесь, он перед вами, сударыня…

Иван Андреич действительно стоял у крыльца.

– Ай, это вы? – закричал господин в енотовой шубе.

– A! c'est vous?[2] – закричала Глафира Петровна, с неподдельною радостью бросаясь к нему, – боже! Что со мной было! Я была у Половицыных; можешь себе представить… ты знаешь, что они теперь у Измайловского моста; я говорила тебе, помнишь? Я взяла сани оттудова. Лошади взбесились, понесли, разбили сани, и я упала отсюда во ста шагах; кучера взяли; я была вне себя. К счастию, monsieur[3] Творогов…

– Как?

M-r Творогов походил более на окаменелость, чем на m-r Творогова.

– Monsieur Творогов увидал меня здесь и взялся проводить; но теперь ты здесь, и я могу вам только изъявить мою жаркую благодарность, Иван Ильич…

Дама подала руку остолбенелому Ивану Ильичу и почти ущипнула, а не сжала ее.

– Monsieur Творогов! Мой знакомый; на бале у Скорлуповых имели удовольствие видеться: я, кажется, говорила тебе? Неужели ты не помнишь, коко?

---

[2] это вы? (франц.)

[3] господин (франц.)

– Ах, конечно, конечно! Ах, помню! – заговорил господин в енотовой шубе, которого называли коко. – Очень приятно, очень приятно.

И он жарко пожал руку господину Творогову.

– Это с кем? Что же это значит? Я жду… – раздался сиплый голос.

Перед группой стоял господин бесконечного роста; он вынул лорнет и внимательно посмотрел на господина в енотовой шубе.

– Ах, monsieur Бобыницын! – защебетала дама. – Откудова? Вот встреча! Представьте, меня тотчас разбили лошади… но вот мой муж! Jean! Monsieur Бобыницын, на бале у Карповых…

– Ах, очень, очень, очень приятно!.. Но я сейчас возьму карету, мой друг.

– Возьми, Jean, возьми: я вся в испуге; я дрожу; со мной даже дурно… Сегодня в маскараде, – шепнула она Творогову… – Прощайте, прощайте, господин Бобыницын! Мы, верно, встретимся завтра на бале у Карповых…

– Нет, извините, я завтра не буду; я уж завтра того, коль теперь не так… – Господин Бобыницын проворчал что-то еще сквозь зубы, шаркнул сапожищем, сел в свои сани и уехал.

Подъехала карета; дама села в нее. Господин в енотовой шубе остановился; казалось, он не в силах был сделать движения и бессмысленно смотрел на господина в бекеше. Господин в бекеше улыбался довольно неостроумно.

– Я не знаю…

– Извините, очень рад быть знакомым, – отвечал молодой человек, кланяясь с любопытством и немного сробев.

– Очень, очень рад…

– У вас, кажется, свалилась калоша…

– У меня? Ах да! Благодарю, благодарю; хочу все завести резинные…

– В резинных нога как будто потеет-с, – сказал молодой человек, по-видимому с безграничным участием.

– Jean! Да скоро ли ты?

– Именно потеет. Сейчас, сейчас, душенька, вот разговор интересный! Именно, как вы изволили заметить, потеет нога… Впрочем, извините, я…

– Помилуйте-с.

– Очень, очень, очень рад познакомиться…

Господин в енотах сел в карету; карета тронулась; молодой человек все еще стоял на месте, в изумлении провожая ее глазами.

II

На другой же вечер шло какое-то представление в Итальянской опере. Иван Андреевич ворвался в залу как бомба. Еще никогда не замечали в нем такого furore,[4] такой страсти к музыке. По крайней мере положительно знали, что Иван Андреевич чрезвычайно любил всхрапнуть часок-другой в Итальянской опере; даже отзывался несколько раз, что оно и приятно, и сладко. «Да и примадонна-то тебе, – говаривал он друзьям, – мяукает, словно беленькая кошечка, колыбельную песенку». Но он это уже давно что-то говаривал, еще в прошлый сезон; а теперь, увы! Иван Андреевич и дома не спит по ночам. Однако ж он все-таки ворвался как бомба в залу, набитую битком. Даже капельдинер взглянул на него как-то подозрительно и тут же накосился глазом на его боковой карман, в полной надежде увидеть ручку припрятанного на всякий случай кинжала. Нужно заметить, что в то время процветали две партии и каждая стояла за свою примадонну. Одни назывались ******зисты,*** другие ******нисты.*** Обе партии до того любили музыку, что капельдинеры наконец решительно стали опасаться какого-нибудь очень решительного проявления любви ко всему прекрасному и высокому, совмещавшемуся в двух примадоннах. Вот почему, смотря

[4] неистовство (итал.)

на такой юношеский порыв в залу театра даже седовласого старца, хотя, впрочем, не совсем седовласого, а так, около пятидесяти лет, плешивенького, и вообще человека с виду солидного свойства, капельдинер невольно вспомнил высокие слова Гамлета, датского принца:

Когда уж старость падает так страшно,
Что ж юность? и т. д.

и, как было сказано выше, накосился на боковой карман фрака, в надежде увидеть кинжал. Но там был только один бумажник, и более ничего.

Влетев в театр, Иван Андреевич мигом облетел взглядом все ложи второго яруса, и – о ужас! Сердце его замерло: она была здесь! Она сидела в ложе! Тут был и генерал Половицын с супругою и свояченицею; тут был и адъютант генерала – чрезвычайно ловкий молодой человек; тут был еще один статский… Иван Андреевич напряг все внимание, всю остроту зрения, но – о, ужас! Статский человек предательски спрятался за адъютанта и остался во мраке неизвестности.

Она была здесь, а между тем сказала, что будет вовсе не здесь! Вот эта-то двойственность, проявлявшаяся с некоторого времени на каждом шагу Глафиры Петровны, и убивала Ивана Андреевича. Вот этот-то статский юноша и поверг его, наконец, в совершенное отчаяние. Он опустился в кресла совсем пораженный. Отчего бы, кажется? Случай очень

простой…

Нужно заметить, что кресла Ивана Андреевича приходились именно возле бенуара, и вдобавок предательская ложа второго яруса приходилась прямо над его креслами, так что он, к величайшей своей неприятности, решительно ничего не мог заметить, что делалось над его головою. Зато он злился и горячился, как самовар. Весь первый акт прошел для него незаметно, то есть он не слыхал ни одной ноты. Говорят, что музыка тем и хороша, что можно настроить музыкальные впечатления под лад всякого ощущения. Радующийся человек найдет в звуках радость, печальный – печаль; в ушах Ивана Андреевича завывала целая буря. К довершению досады, сзади, спереди, сбоку кричали такие страшные голоса, что у Ивана Андреевича разрывалось сердце. Наконец акт кончился. Но в ту минуту, как падал занавес, с нашим героем случилось такое приключение, которое никакое перо не опишет. Случается, что иногда с верхних ярусов лож слетает афишка. Когда пьеса скучна и зрители зевают, для них это целое приключение.

Особенно с участием смотрят они на полет этой чрезвычайно мягкой бумаги с самого верхнего яруса и находят приятность следить за ее путешествием зигзагами до самых кресел, где она непременно уляжется на чью-нибудь вовсе не приготовленную этому случаю голову. Действительно, очень любопытно смотреть, как эта голова сконфузится (потому что она непременно сконфузится). Мне всегда тоже быва-

ет страшно за дамские бинокли, которые лежат зачастую на бордюрах лож: мне все так и кажется, что они вот тотчас слетят на чью-нибудь не приготовленную к этому случаю голову. Но я вижу, что некстати сделал такое трагическое примечание, и потому отсылаю его к фельетонам тех газет, которые предохраняют от обманов, от недобросовестности, от тараканов, если они у вас есть в доме, рекомендуя известного господина Принчипе, страшного врага и противника всех тараканов на свете, не только русских, но даже и иностранных, как-то пруссаков и проч.

Но с Иваном Андреевичем случилось приключение, до сих пор еще нигде не описанное. К нему слетела на голову, – как уже сказано, довольно плешивую, – не афишка. Признаюсь, я даже совещусь сказать, что к нему слетело на голову, потому что действительно как-то совестно объявить, что на почтенную и обнаженную, то есть отчасти лишенную волос, голову ревнивого, раздраженного Ивана Андреевича слетел такой безнравственный предмет, как например любовная раздушенная записочка. По крайней мере бедный Иван Андреевич, совершенно не приготовленный к этому непредвиденному и безобразному случаю, вздрогнул так, как будто поймал на своей голове мышь или другого какого-нибудь дикого зверя.

Что записка была любовного содержания, в этом ошибаться было нельзя. Она была писана на раздушенной бумажке, совершенно так, как пишутся записки в романах, и сло-

жена в предательски малую форму, так что ее можно было скрыть под дамской перчаткой. Упала же она, вероятно, по случаю, во время самой передачи: как-нибудь спрашивали, например, афишку, и уж записочка проворно была ввернута в эту афишку, уже передавалась в известные руки, но один миг, может быть, нечаянный толчок адъютанта, чрезвычайно ловко извинившегося в своей неловкости, – и записочка выскользнула из маленькой дрожавшей от смущения ручки, а статский юноша, уже протягивавший свою нетерпеливую руку, вдруг получает, вместо записки, одну афишку, с которой решительно не знает, что делать. Неприятный, странный случай! Совершенная правда; но, согласитесь сами, Ивану Андреевичу было еще неприятнее.

– Predestine,[5] – прошептал он, обливаясь холодным потом и сжимая записочку в руках, – predestine! Пуля найдет виноватого! – промелькнуло в его голове. – Нет, не то! Чем же я виноват? А вот там есть другая пословица: на бедного Макара и так далее.

Но мало ли что начнет перезванивать в голове, оглушенной таким внезапным происшествием! Иван Андреевич сидел на стуле окостенев, как говорится, ни жив ни мертв. Он уверен был, что его приключение замечено со всех сторон, несмотря на то, что во всей зале, в это самое время, началась суматоха и вызов певицы. Он сидел так сконфузившись, так покраснев и не смея поднять глаз, как будто с ним слу-

---

[5] предопределено (франц.)

чилась какая-нибудь неожиданная неприятность, какой-нибудь диссонанс в прекрасном многолюдном обществе. Наконец он решился поднять глаза.

– Приятно пели-с! – заметил он одному франту, сидевшему по левую его сторону.

Франт, который был в последней степени энтузиазма и хлопал руками, но преимущественно выезжал на ногах, бегло и рассеянно взглянул на Ивана Андреевича и тотчас же, сделав руками щиток над своим ртом, чтоб было слышнее, крикнул имя певицы. Иван Андреевич, который еще никогда не слыхал подобной глотки, был в восторге. «Ничего не заметил!» – подумал он и обратился назад. Но толстый господин, сидевший сзади его, теперь в свою очередь стал к нему задом и лорнировал ложи. «Тоже хорошо!» – подумал Иван Андреевич. Впереди, разумеется, ничего не видали. Он робко и с радостной надеждой покосился на бенуар, возле которого были его кресла, и вздрогнул от самого неприятного чувства. Там сидела прекрасная дама, которая, закрыв рот платком и упав на спинку кресел, хохотала как исступленная.

– Ох уж эти мне женщины! – прошептал Иван Андреевич и пустился по ногам зрителей к выходу.

Теперь я предлагаю решить самим читателям, я прошу их самих рассудить меня с Иваном Андреевичем. Неужели прав был он в эту минуту? Большой театр, как известно, заключает в себе четыре яруса лож и пятый ярус – галерею. Поче-

му же непременно предположить, что записка упала именно из одной ложи, именно из этой самой, а не другой какой-нибудь, – например хоть из пятого яруса, где тоже бывают дамы? Но страсть исключительна, а ревность – самая исключительная страсть в мире.

Иван Андреевич бросился в фойе, стал у лампы, сломал печать и прочел:

> *«Сегодня, сейчас после спектакля, в Г-вой, на углу ***ского переулка, в доме К***, в третьем этаже, направо от лестницы. Вход с подъезда. Будь там, sans faute*[6]*, ради бога».*

Руки Иван Андреевич не узнал, но сомнения нет: назначалось свидание. «Поймать, изловить и пресечь зло в самом начале» – была первая идея Ивана Андреевича. Ему было пришло в голову изобличить теперь же, тут же на месте; но как это сделать? Иван Андреевич взбежал даже во второй ярус, но благоразумно воротился. Решительно, он не знал: куда бежать. От нечего делать он забежал с другой стороны и посмотрел чрез открытую дверь чужой ложи на противоположную сторону. Так, так! Во всех пяти ярусах по вертикальному направлению сидели молодые дамы и молодые люди. Записка могла упасть из всех пяти ярусов разом, потому что Иван Андреевич подозревал решительно все ярусы в заговоре против него. Но его ничто не исправило, никакие видимости. Весь второй акт он бегал по всем коридо-

---

[6] без ошибки (франц.)

рам и нигде не находил спокойствия духа. Он было сунулся в кассу театра, в надежде узнать от кассира имена особ, взявших ложи во всех четырех ярусах, но касса уже была заперта. Наконец раздались неистовые восклицания и аплодисменты. Представление кончилось. Начинались вызовы, и особенно гремели с самого верха два голоса – предводители обеих партий. Но не до них было дело Ивану Андреевичу. У него уже мелькнула мысль дальнейшего его поведения. Он надел бекешь и пустился в Г-вую, чтоб там застать, накрыть, изобличить и вообще поступить немного энергичнее, чем вчерашний день. Он скоро нашел дом и уже ступил на подъезд, как вдруг, словно под руками у него, прошмыгнула фигура франта в пальто, обогнала его и пустилась по лестнице в третий этаж. Ивану Андреевичу показалось, что это тот самый франт, хотя он не мог различить и тогда лицо этого франта. Сердце в нем замерло. Франт обогнал его уже двумя лестницами. Наконец, он услышал, как отворилась дверь в третьем этаже, и отворилась без звонка, как будто ждали пришедшего. Молодой человек промелькнул в квартиру. Иван Андреевич достиг третьего этажа, когда не успели еще затворить эту дверь. Он хотел было постоять перед дверью, благоразумно продумать свой шаг, поробеть немного и потом уже решиться на что-нибудь очень решительное; но в эту самую минуту загремела карета у подъезда, с шумом отворились двери и чьи-то тяжелые шаги начали с кряхтом и кашлем свое восшествие в верхний этаж. Иван Андреевич

не устоял, отворил дверь и очутился в квартире со всею торжественностью оскорбленного мужа. Навстречу к нему бросилась горничная, вся в волнении, потом явился человек; но остановить Ивана Андреевича не было никакой возможности. Как бомба влетел он в покои и, пройдя две темные комнаты, вдруг очутился в спальне перед молодой, прекрасной дамой, которая вся трепетала от страха и смотрела на него с решительным ужасом, как будто не понимая, что вокруг нее делается. В эту минуту послышались тяжелые шаги в соседней комнате, которые прямо шли в спальню: это были те самые шаги, которые всходили на лестницу.

– Боже! Это мой муж! – вскрикнула дама, всплеснув руками и побледнев белее своего пенюара.

Иван Андреевич почувствовал, что он не туда попал, что сделал глупую, детскую выходку, что не обдумал хорошо своего шага, что не поробел достаточно на лестнице. Но делать было нечего. Уже отворилась дверь, уже тяжелый муж, если только судить по его тяжелым шагам, входил в комнату… Не знаю, за кого принял себя Иван Андреевич в эту минуту! Не знаю, что ему помешало прямо стать навстречу мужа, объявить, что попался впросак, сознаться, что бессознательно поступил неприличнейшим образом, попросить извинения и скрыться, – конечно, не с большою честью, конечно, не со славою, но по крайней мере уйти благородным, откровенным образом. Но нет, Иван Андреевич опять поступил как мальчик, как будто бы считал себя Дон-Жуаном

или Ловеласом! Он сначала прикрылся занавесками у кровати, а потом, когда почувствовал себя в полном упадке духа, припал на землю и бессмысленно полез под кровать. Испуг подействовал на него сильнее благоразумия, и Иван Андреевич, сам оскорбленный муж, или по крайней мере считавший себя таким, не вынес встречи с другим мужем – может быть, боясь оскорбить его своим присутствием. Так или не так, но он очутился под кроватью, решительно не понимая, как это сделалось. Но, что всего было удивительнее, дама не оказала никакой оппозиции. Она не закричала, видя, как чрезвычайно странный пожилой господин ищет убежища в ее спальне. Решительно, она была так испугана, что, по всей вероятности, у нее отнялся язык.

Муж вошел, охая и кряхтя, поздоровался с женой нараспев, самым старческим образом, и свалился на кресла так, как будто только что принес бремя дров. Раздался глухой и продолжительный кашель. Иван Андреевич, превратившийся из разъяренного тигра в ягненка, оробев и присмирев, как мышонок перед котом, едва смел дышать от испуга, хотя и мог бы знать, по собственному опыту, что не все оскорбленные мужья кусаются. Но это не пришло ему в голову или от недостатка соображения, или от другого какого-нибудь припадка. Осторожно, тихонько, ощупью начал он оправляться под кроватью, чтоб как-нибудь улечься удобнее. Каково же было его изумление, когда он ощупал рукою предмет, который, к его величайшему изумлению, пошевелился и в свою

очередь схватил его за руку! Под кроватью был другой человек…

– Кто это? – шепнул Иван Андреевич.

– Ну, так я вам и сказал сейчас, кто я такой! – прошептал странный незнакомец. – Лежите и молчите, коли попались впросак!

– Однако же…

– Молчать!

И посторонний человек (потому что под кроватью довольно было и одного), посторонний человек стиснул в своем кулаке руку Ивана Андреевича так, что тот едва не вскрикнул от боли.

– Милостивый государь…

– Тсс!

– Так не жмите же меня, или я закричу.

– Ну-ка, закричите! Попробуйте!

Иван Андреевич покраснел от стыда. Незнакомец был суров и сердит. Может быть, это был человек, испытавший не раз гонения судьбы и не раз находившийся в стесненном положении; но Иван Андреевич был новичок и задыхался от тесноты. Кровь била ему в голову. Однако ж нечего было делать: нужно было лежать ничком. Иван Андреевич покорился и замолчал.

– Я, душенька, был, – начал муж, – я, душенька, был у Павла Иваныча. Сели мы играть в преферанс, да так, кхи-кхи-кхи! (он закашлялся) так… кхи! Так спина… кхи! Ну

ее!.. Кхи! Кхи! Кхи!

И старичок погрузился в свой кашель.

– Спина… – проговорил он наконец со слезами на глазах, – спина разболелась… геморрой проклятый! Ни стать, ни сесть… ни сесть! Акхи, кхи, кхи!

И казалось, что вновь начавшемуся кашлю суждено было прожить гораздо долее, чем старичку, обладателю этого кашля. Старичок что-то ворчал языком в промежутках, но решительно ничего нельзя было разобрать.

– Милостивый государь, ради бога, подвиньтесь! – прошептал несчастный Иван Андреевич.

– Куда прикажете? Места нет.

– Однако же, согласитесь сами, мне невозможно таким образом. Я еще в первый раз нахожусь в таком скверном положении.

– А я в таком неприятном соседстве.

– Однако же, молодой человек…

– Молчать!

– Молчать? Однако вы поступаете чрезвычайно неучтиво, молодой человек… Если не ошибаюсь, вы еще очень молодой; я постарше вас.

– Молчать!

– Милостивый государь! Вы забываетесь; вы не знаете, с кем говорите!

– С господином, который лежит под кроватью…

– Но меня привлек сюда сюрприз… ошибка, а вас, если

не ошибаюсь, безнравственность.

– Вот в этом-то вы и ошибаетесь.

– Милостивый государь! Я постарше вас, я вам говорю…

– Милостивый государь! Знайте, что мы здесь на одной доске. Прошу вас, не хватайте меня за лицо!

– Милостивый государь! Я ничего не разберу. Извините меня, но нет места.

– Зачем же вы такой толстый?

– Боже! Я никогда не был в таком унизительном положении!

– Да, ниже лежать нельзя.

– Милостивый государь, милостивый государь! Я не знаю, кто вы такой, я не понимаю, как это случилось; но я здесь по ошибке; я не то, что вы думаете…

– Я бы ровно ничего не думал об вас, если б вы не толкались. Да молчите же!

– Милостивый государь! Если вы не подвинетесь, со мной будет удар. Вы будете отвечать за смерть мою. Уверяю вас… я почтенный человек, я отец семейства. Не могу же я быть в таком положении!..

– Сами же вы сунулись в такое положение. Ну, подвигайтесь же! Вот вам место; больше нельзя!

– Благородный молодой человек! Милостивый государь! Я вижу, что я в вас ошибался, – сказал Иван Андреевич, в восторге благодарности за уступленное место и расправляя затекшие члены, – я понимаю стесненное положе-

ние ваше, но что же делать? Вижу, что вы дурно обо мне думаете. Позвольте мне поднять в вашем мнении мою репутацию, позвольте мне сказать, кто я такой, я пришел сюда против себя, уверяю вас; я не за тем, за чем вы думаете… Я в ужаснейшем страхе.

– Да замолчите ли вы? Понимаете ли, что, если услышат нас, будет худо? Тсс… Он говорит. – Действительно, кашель старика, по-видимому, начинал проходить.

– Так вот, душенька, – хрипел он на самый плачевный напев, – так вот, душенька, кхи!.. Кхи! Ах, несчастье! Федосей-то Иванович и говорит: вы бы, говорит, тысячелиственник пить попробовали; слышишь, душенька?

– Слышу, мой друг.

– Ну, так и говорит: вы бы, говорит, попробовали тысячелиственник пить. Я и говорю: я пиявки припускал. А он мне: нет, Александр Демьянович, тысячелиственник лучше: он открывает, я вам скажу… кхи! кхи! ох, боже мой! Как же ты думаешь, душенька? кхи-кхи! ах, создатель мой! кхи-кхи!.. Так лучше тысячелиственник, что ли?.. кхи-кхи-кхи! ах! кхи – и т. д.

– Я думаю, что попробовать этого средства не худо, – отвечала супруга.

– Да, не худо! У вас, говорит, пожалуй, чахотка, кхи, кхи! А я говорю: подагра да раздражение в желудке; кхи-кхи! А он мне: может быть, и чахотка. Как ты, кхи-кхи! Как ты думаешь, душенька: чахотка?

– Ах, боже мой, что это вы говорите такое?

– Да, чахотка! А ты бы, душенька, раздевалась теперь да спать ложилась, кхи! кхи! А у меня, кхи! сегодня насморк.

– Уф! – сделал Иван Андреевич, – ради бога, подвиньтесь!

– Решительно, я вам удивляюсь, что с вами делается, ну, не можете вы спокойно лежать…

– Вы ожесточены против меня, молодой человек; хотите меня уязвить. Я это вижу. Вы, вероятно, любовник этой дамы?

– Молчать!

– Не буду молчать! Не дам вам командовать! А, вы, верно, любовник? Если нас откроют, я ни в чем не виноват, я ничего не знаю.

– Если вы не замолчите, – сказал молодой человек, скрежеща зубами, – я скажу, что вы завлекли меня; я скажу, что вы мой дядя, который промотал свое состояние. Тогда по крайней мере не подумают, что я любовник этой дамы.

– Милостивый государь! Вы издеваетесь надо мной. Вы истощаете терпение мое.

– Тсс! Или я вас заставлю молчать! Вы несчастье мое! Ну, скажите, на что вы здесь? Без вас я бы пролежал как-нибудь до утра, а там бы и вышел.

– Но я здесь не могу же лежать до утра; я человек благоразумный; у меня, конечно, связи… Как вы думаете, неужели он будет здесь ночевать?

– Кто?

– Да этот старик…

– Разумеется, будет. Не все ж такие мужья, как вы. Ночуют и дома.

– Милостивый государь, милостивый государь! – закричал Иван Андреевич, похолодев от испуга. – Будьте уверены, что и я тоже дома, а теперь в первый раз; но, боже мой, я вижу, что вы меня знаете. Кто вы такой, молодой человек? Скажите мне тотчас же, умоляю вас, из бескорыстной дружбы, кто вы таков?

– Послушайте! Я употреблю насилие…

– Но позвольте, позвольте вам рассказать, милостивый государь, позвольте вам объяснить все это скверное дело…

– Никаких объяснений не слушаю, ничего знать не хочу. Молчите, или…

– Но я не могу же…

Под кроватью последовала легкая борьба, и Иван Андреевич умолк.

– Душенька! Что-то здесь как будто коты шепчутся?

– Какие коты? Чего вы не выдумаете?

Очевидно, что супруга не знала, о чем разговаривать с своим мужем. Она была так поражена, что еще не могла опомниться. Теперь же она вздрогнула и подняла ушки.

– Какие коты?

– Коты, душенька. Я намедни прихожу, сидит васька у меня в кабинете, шю-шю-шю! И шепчет. Я ему: что ты, васенька? А он опять: шю-шю-шю! И так как будто все шепчет. Я

и думаю: ах, отцы мои! Уж не о смерти ли он мне нашептывает?

– Какие глупости вы говорите сегодня! Стыдитесь, пожалуйста.

– Ну, ничего; не сердись, душенька; я вижу, тебе неприятно, что я умру, не сердись; я только так говорю. А ты бы, душенька, стала раздеваться и спать легла, а я бы здесь посидел, пока ты ложиться будешь.

– Ради бога, полноте; после…

– Ну, не сердись, не сердись! Только, право, здесь как будто мыши.

– Ну вот, то коты, то мыши! Право, я не знаю, что с вами делается.

– Ну, я ничего, я ни… кхи! Я ничего, кхи, кхи, кхи, кхи! ах, боже ты мой! кхи!

– Слышите, вы так возитесь, что и он услыхал, – прошептал молодой человек.

– Но если б вы знали, что со мной делается. У меня носом кровь идет.

– Пусть идет, молчите; подождите, когда он уйдет.

– Молодой человек, но вникните в мое положение; ведь я не знаю, с кем я лежу.

– Да легче вам от этого будет, что ли? Ведь я не интересуюсь знать вашу фамилию. Ну, как ваша фамилия?

– Нет, зачем же фамилию… Я только интересуюсь объяснить, каким бессмысленным образом…

– Тсс… он опять говорит.

– Право, душенька, шепчутся.

– Да нет же; это у тебя вата в ушах дурно лежит.

– Ах, по поводу ваты. Знаешь ли, тут, наверху… кхи, кхи! Наверху, кхи, кхи, кхи! – и т. д.

– Наверху! – прошептал молодой человек. – Ах, черт! А я думал, что это последний этаж; да разве это второй?

Молодой человек, – прошептал, встрепенувшись, Иван Андреевич, – что вы говорите? Ради бога, почему это вас интересует? И я думал, что это последний этаж. Ради бога, разве здесь еще этаж?..

Право, кто-то ворочается, – сказал старик, переставший, наконец, кашлять…

– Тсс! Слышите! – прошептал молодой человек, сдавив обе руки Ивана Андреевича.

– Милостивый государь, вы держите мои руки в насилии. Пустите меня.

– Тсс…

Последовала легкая борьба, и потом опять наступило молчание.

– Так вот я и встречаю хорошенькую… – начал старик.

– Как, хорошенькую? – перебила жена.

– Да ведь вот… говорил прежде я, что встретил хорошенькую даму на лестнице, или я пропустил? У меня ведь память слаба. Это зверобой… кхи!

– Что?

– Зверобой пить надо: говорят, лучше будет… кхи, кхи, кхи! Лучше будет!

– Это вы его перебили, – проговорил молодой человек, опять заскрежетав зубами.

– Ты говорил, что встретил сегодня хорошенькую какую-то? – спросила жена.

– А?

– Хорошенькую встретил?

– Кто такой?

– Да ты?

– Я-то? Когда? Да, бишь!..

– Наконец-то? Экая мумия! Ну, – прошептал молодой человек, мысленно погоняя забывчивого старичка.

– Милостивый государь! Я трепещу от ужаса. Боже мой! Что я слышу? Это как вчера; решительно как вчера!..

– Тсс.

– Да, да, да! Вспомнил: преплутовочка! Глазенки такие… в голубой шляпке…

– В голубой шляпке! Ай, ай!

– Это она! У ней есть голубая шляпка. Боже мой! – закричал Иван Андреич…

– Она? Кто она? – прошептал молодой человек, стиснув руки Ивана Андреевича.

– Тсс! – сделал в свою очередь Иван Андреевич. – Он говорит.

– Ах, боже мой! Боже мой!

– Ну, да, впрочем, у кого ж нет голубой шляпки… ну!

– И такая плутовка! – продолжал старик. – Она тут к каким-то знакомым приходит. Все глазки делает. А к тем знакомым тоже ходят знакомые…

– Фу! Как это скучно, – перебила дама, – помилуй, чем ты интересуешься?

– Ну, хорошо, ну, ну! Не сердись! – возразил старичок нараспев. – Ну, я не буду говорить, коль ты не желаешь. Ты что-то не в духе сегодня…

– Да вы как же сюда попали? – заговорил молодой человек.

– А, видите, видите! Вот вы теперь интересуетесь, а прежде не хотели и слушать!

– Ну, да ведь мне все равно! Не говорите, пожалуйста! Ах, черт возьми, какая история!

– Молодой человек, не сердитесь; я не знаю, что говорю; это я так; я только хотел сказать, что тут, верно, что-нибудь недаром, что вы принимаете участие… Но кто вы, молодой человек? Я вижу, вы незнакомец; но кто же вы, незнакомец? Боже, я не знаю, что говорю!

– Э! Подите, пожалуйста! – прервал молодой человек, как будто что-то обдумывая.

– Но я вам все расскажу, все. Вы, может быть, думаете, что я не расскажу, что я зол на вас, нет! Вот рука моя! Я только в упадке духа, больше ничего. Но, ради бога, скажите мне все сначала: как вы здесь сами? По какому случаю? Что же касается до меня, то я не сержусь, ей-богу, не сержусь, вот

вам рука моя. Здесь только пыльно; я немного запачкал ее; но это ничего для высокого чувства.

– Э, подите с вашей рукой! Тут поворотиться негде, а он с рукой лезет!

– Но, милостивый государь! Вы со мной обходитесь, как будто, с позволения сказать, со старой подошвой, – проговорил Иван Андреевич в припадке самого кроткого отчаяния, голосом, в котором было слышно моленье. – Обходитесь со мной учтивее, хоть немножко учтивее, и я вам все расскажу! Мы бы полюбили друг друга; я даже готов пригласить вас к себе на обед. А этак нам вместе лежать нельзя, откровенно скажу. Вы заблуждаетесь, молодой человек! Вы не знаете…

– Когда же это он ее встретил? – бормотал молодой человек, очевидно в крайнем волнении. – Она, может быть, теперь меня ждет… Я решительно выйду отсюда!

– Она? Кто она? Боже мой! Про кого вы говорите, молодой человек? Вы думаете, что там, наверху… Боже мой! Боже мой! За что я так наказан?

Иван Андреевич попробовал повернуться на спину в знак отчаянья.

– А вам на что знать, кто она? А, черт! Была не была, я вылезаю!..

– Милостивый государь! Что вы? А я-то, я-то как буду? – прошептал Иван Андреевич, в припадке отчаяния уцепившись за фалды фрака своего соседа.

– А мне-то что? Ну, и оставайтесь одни. А не хотите, так

я, пожалуй, скажу, что вы мой дядя, который промотал свое состояние, чтоб не подумал старик, что я любовник жены его.

– Но, молодой человек, это невозможно; это ненатурально, коли дядя. Никто не поверит вам. Этому вот такой маленький ребенок не поверит, – шептал в отчаянии Иван Андреевич.

– Ну, так не болтайте же, а лежите себе смирно, пластом! Пожалуй, ночуйте здесь, а завтра как-нибудь вылезете; вас никто не заметит; уж коли один вылез, так, верно, не подумают, что еще остался другой. Еще бы сидела целая дюжина! Впрочем, вы и один стоите дюжины. Подвигайтесь, или я выйду!

– Вы язвите меня, молодой человек… А что если я закашляюсь? Нужно все предвидеть!

– Тсс!..

– Что это? Как будто наверху я опять слышу возню, – проговорил старичок, который тем временем, кажется, успел задремать.

– Наверху?

– Слышите, молодой человек, наверху!

– Ну, слышу!

– Боже мой! Молодой человек, я выйду.

– А я так не выйду! Мне все равно! Уж если расстроилось, так все равно! А знаете ли, что я подозреваю? Я подозреваю, что вы-то и есть какой-нибудь обманутый муж – вот что!..

– Боже, какой цинизм!.. Неужели вы это подозреваете? Но почему же именно муж… я не женат.

– Как не женат? Дудки!

– Я, может быть, сам любовник!

– Хорош любовник!

– Милостивый государь, милостивый государь! Ну, хорошо, я все вам расскажу. Вонмите моему отчаянью. Это не я, я не женат. Я тоже холостой, как и вы. Это друг мой, товарищ детства… а я любовник… Говорит мне: «Я несчастный человек, я, говорит, пью чашу, я подозреваю жену свою». – «Но, говорю я ему благоразумно, за что же ты ее подозреваешь?..» Но вы не слушаете меня. Слушайте, слушайте! «Ревность смешна, говорю, ревность порок!..» – «Нет, говорит, я несчастный человек! Я, того… чашу, то есть я подозреваю». – «Ты, говорю, мой друг, ты товарищ моего нежного детства. Мы вместе срывали цветы удовольствия, тонули на пуховиках наслаждения». Боже, я не знаю, что говорю. Вы все смеетесь, молодой человек. Вы сделаете меня сумасшедшим.

– Да вы и теперь сумасшедший!..

– Так, так, я и предчувствовал, что вы это скажете… когда говорил про сумасшедшего. Смейтесь, смейтесь, молодой человек! Так же и я процветал в свое время, так же и я соблазнял. Ах! У меня сделается воспаление в мозгу!

– Что это, душенька, как будто у нас кто-то чихает? – пропел старичок. – Это ты, душка, чихнула?

– О, боже мой! – проговорила супруга.

– Тсс! – раздалось под кроватью.

– Это наверху, верно, стучат, – заметила жена, испугавшись, потому что под кроватью действительно становилось шумно.

– Да, наверху! – проговорил муж. – Наверху! Говорил я тебе, что я франтика – кхи, кхи! Франтика с усиками – кхи, кхи! Ох, бог мой, – спина!.. Франтика сейчас встретил с усиками!

– С усиками! Боже мой, это, верно, вы, – прошептал Иван Андреевич.

– Создатель мой, какой человек! Да ведь я здесь, здесь вместе с вами лежу! Как же бы он меня встретил? Да не хватайте меня за лицо!

– Боже, со мной сейчас будет обморок.

В это время наверху действительно послышался шум.

– Что бы там было? – прошептал молодой человек.

– Милостивый государь! Я в страхе, я в ужасе. Помогите мне.

– Тсс!

– Действительно, душка, шум; целый гвалт подымают. Да еще над твоей спальней. Не послать ли спросить.

– Ну, вот! Чего ты не выдумаешь!

– Ну, я не буду; право, ты такая сегодня сердитая!..

– О, боже мой! Вы бы шли спать.

– Лиза! Ты меня вовсе не любишь.

– Ах, люблю! Ради бога, я так устала.

– Ну, ну! Я уйду.

– Ах, нет, нет! Не уходите, – закричала жена. – Или нет, идите, идите!

– Да что это ты в самом деле! То уходите, то не уходите! Кхи, кхи! А и вправду спать… кхи, кхи! У Панафидиных девочки… Кхи, кхи! Девочки… кхи! Куклу я у девочки видел нюренбергскую, кхи, кхи…

– Ну, вот куклы теперь!

– Кхи, кхи! Хорошая кукла, кхи, кхи!

– Он прощается, – проговорил молодой человек, – он идет, и мы тотчас уходим. Слышите? Радуйтесь же!

– О, дай-то бог! Дай-то бог!

– Это вам урок…

– Молодой человек! За что же урок? Я это чувствую… Но вы еще молоды; вы не можете давать мне урока.

– А все-таки дам. Слушайте.

– Боже! Я хочу чихнуть!..

– Тсс! Если вы только осмелитесь.

– Но что же мне делать? Здесь так пахнет мышами; не могу же я; достаньте мне из моего кармана платок, ради бога; я не могу шевельнуться… О, боже, боже! За что я так наказан?

– Вот вам платок! За что вы наказаны, я вам сейчас скажу. Вы ревнивы. Основываясь бог знает на чем, вы бегаете как угорелый, врываетесь в чужое жилище, производите беспо-

рядки…

– Молодой человек! Я не производил беспорядков.

– Молчать!

– Молодой человек, вы не можете читать мне про нравственность: я нравственнее вас.

– Молчать!

– О, боже мой! Боже мой!

– Производите беспорядки, пугаете молодую даму, робкую женщину, которая не знает, куда деваться от страха, и, может быть, будет больна; беспокоите почтенного старца, удрученного геморроем, которому прежде всего нужен покой, – а все отчего? Оттого, что вам вообразился какой-то вздор, с которым вы бегаете по всем закоулкам! Понимаете ли, понимаете ли, в каком вы скверном теперь положении? Чувствуете ли вы это?

– Милостивый государь, хорошо! Я чувствую, но вы не имеете права…

– Молчать! Какое тут право? Понимаете ли вы, что это может кончиться трагически? Понимаете ли, что старик, который любит жену, может с ума сойти, когда увидит, как вы будете вылезать из-под кровати? Но нет, вы неспособны сделать трагедии! Когда вы вылезете, я думаю, всяк, кто посмотрит на вас, захохочет. Я бы желал вас видеть при свечках; должно быть, вы очень смешны.

– А вы-то? Вы тоже смешны в таком случае! Я тоже хочу посмотреть на вас.

– Где вам!

– На вас, верно, клеймо безнравственности, молодой человек!

– А! Вы про нравственность! А почем вы знаете, зачем я здесь? Я здесь ошибкой; я ошибся этажом. И черт знает, почему меня впустили! Верно, она в самом деле ждала кого-нибудь (не вас, разумеется). Я спрятался под кровать, когда услышал вашу глупую походку, когда увидел, что испугалась дама. К тому же было темно. Да и что я вам за оправдание? Вы, сударь, смешной, ревнивый старик. Ведь я отчего не выхожу? Вы, может быть, думаете, что я боюсь выйти? Нет, сударь, я бы уж давно вышел, да только из сострадания к вам здесь сижу. Ну, на кого вы без меня здесь останетесь? Ведь вы будете как пень стоять перед ними, ведь вы не найдетесь…

– Нет, отчего же: как пень? Отчего же как этот предмет? Разве вы не могли с чем другим сравнить, молодой человек? Отчего же не найдусь? Нет, я найдусь.

– О, боже мой, как лает эта собачонка!

– Тсс! Ах, и в самом деле… Это оттого, что вы все болтаете. Видите, вы разбудили собачонку. Теперь нам беда.

Действительно, собачка хозяйки, которая все время спала на подушке в углу, вдруг проснулась, обнюхала чужих и с лаем бросилась под кровать.

– О, боже мой! Какая глупая собачонка! – прошептал Иван Андреевич. – Она нас всех выдаст. Она все выведет на

чистую воду. Вот еще наказание!

– Ну да: вы так трусите, что это может случиться.

– Ами, Ами, сюда! – закричала хозяйка, – ici, ici.[7]

Но собачка не слушалась и лезла прямо на Ивана Андреевича,

– Что это, душечка, Амишка все лает? – проговорил старичок. Там, верно, мыши, или кот васька сидит. То-то я слышу, что все чихает, все чихает… А ведь у васьки-то сегодня насморк.

– Лежите смирно! – прошептал молодой человек, – не ворочайтесь! Она, может быть, так и отстанет.

– Милостивый государь, милостивый государь! Пустите мои руки! Зачем вы их держите?

– Тсс! Молчать!

– Но помилуйте, молодой человек: она меня за нос кусает! Вы хотите, чтоб я лишился носа.

Последовала борьба, и Иван Андреевич высвободил свои руки. Собачка заливалась от лая; вдруг она перестала лаять и завизжала.

– Ай! – закричала дама.

– Изверг! Что вы делаете? – прошептал молодой человек. – Вы губите нас обоих! Зачем вы схватили ее? Боже мой, он ее душит! Не душите, пустите ее! Изверг! Но вы не знаете после этого сердца женщины! Она нас выдаст обоих, если вы задушите собачку.

---

[7] сюда, ко мне (франц.)

Но Иван Андреевич уже ничего не слыхал. Ему удалось поймать собачку, и в припадке самохранения он сдавил ей горло. Собачонка взвизгнула и испустила дух.

– Мы пропали! – прошептал молодой человек.

– Амишка! Амишка! – закричала дама. – Боже мой, что они делают с моим Амишкой? Амишка! Амишка! ісі! О изверги! Варвары! Боже, мне дурно!

– Что такое? Что такое? – закричал старичок, вскочив с кресел. – Что с тобой, душа моя? Амишка здесь! Амишка, Амишка, Амишка! – кричал старичок, щелкая пальцами, причмокивая и вызывая Амишку из-под кровати. – Амишка! ісі! ісі! Не может быть, чтобы васька там съел его. Нужно высечь ваську, мой друг; его, плута, уже целый месяц не секли. Как ты думаешь? Я посоветуюсь завтра с Прасковьей Захарьевной. Но, боже мой, друг мой, что с тобой? Ты побледнела, ох! Ох! Люди! Люди!

И старичок забегал по комнате.

– Злодеи! Изверги! – кричала дама, покатившись на кушетку.

– Кто? Кто? Кто такой? – кричал старик.

– Там есть люди, чужие!.. Там, под кроватью! О, боже мой! Амишка! Амишка! Что они с тобой сделали?

– Ах, боже мой, господи! Какие люди! Амишка… Нет, люди, люди, сюда! Кто там? Кто там? – закричал старик, схватив свечку и нагнувшись под кровать, – кто такой? Люди, люди!..

Иван Андреевич лежал ни жив ни мертв подле бездыханного трупа Амишки. Но молодой человек ловил каждое движение старика. Вдруг старик зашел с другой стороны, к стене, и нагнулся. В один миг молодой человек вылез из-под кровати и пустился бежать, покамест муж искал своих гостей по ту сторону брачного ложа.

– Боже! – прошептала дама, вглядевшись в молодого человека. – Кто же вы такой? А я думала…

– Тот изверг остался, – прошептал молодой человек. – Он виновник Амишкиной смерти!

– Ай! – вскрикнула дама.

Но молодой человек уже исчез из комнаты.

– Ай! Здесь кто-то есть. Здесь чей-то сапог! – закричал муж, поймав за ногу Ивана Андреевича.

– Убийца! Убийца! – кричала дама. – О, Ами! Ами!

– Вылезайте, вылезайте! – кричал старик, топая по ковру обеими ногами, – вылезайте; кто вы таковы? Говорите, кто вы таковы. Боже! Какой странный человек!

– Да это разбойники!..

– Ради бога, ради бога! – кричал Иван Андреевич, вылезая, – ради бога, ваше превосходительство, не зовите людей! Ваше превосходительство, не зовите людей! Это совершенно лишнее. Вы меня не можете вытолкать!.. Я не такой человек! Я сам по себе… Ваше превосходительство, это случилось по ошибке! Я вам сейчас объясню, ваше превосходительство, – продолжал Иван Андреевич, рыдая и всхлипывая. – Это все

жена, то есть не моя жена, а чужая жена, – я не женат, а так… Это мой друг и товарищ детства…

– Какой товарищ детства! – кричал старик, топая ногами. – Вы вор, пришли обокрасть… а не товарищ детства…

– Нет, не вор, ваше превосходительство; я действительно товарищ детства… я только нечаянно ошибся, попал с другого подъезда.

– Да, я вижу, сударь, вижу, из какого подъезда вы вылезли.

– Ваше превосходительство! Я не такой человек. Вы ошибаетесь. Я говорю, что вы в жестоком заблуждении, ваше превосходительство. Взгляните на меня, посмотрите, вы увидите по некоторым знакам и признакам, что я не могу быть вором. Ваше превосходительство! Ваше превосходительство! – кричал Иван Андреевич, складывая руки и обращаясь к молодой даме. – Вы дама, поймите меня… Это я умертвил Амишку… Но я не виноват, я, ей-богу, не виноват… Это все жена виновата. Я несчастный человек, я пью чашу!

– Да, помилуйте, какое же мне дело, что вы выпили чашу; может быть, вы и не одну чашу выпили, – судя по вашему положению, оно и видно; но как же вы зашли сюда, милостивый государь? – кричал старик, весь дрожа от волнения, но действительно удостоверившись, по некоторым знакам и признакам, что Иван Андреевич не может быть вором. – Я вас спрашиваю: как вы зашли сюда? Вы, как разбойник…

– Не разбойник, ваше превосходительство. Я только с дру-

гого подъезда; право, не разбойник! Это все оттого, что я ревнив. Я вам все расскажу, ваше превосходительство, откровенно расскажу, как отцу родному, потому что вы в таких летах, что я могу принять вас за отца.

– Как в таких летах?

– Ваше превосходительство! Я, может быть, вас оскорбил? Действительно, такая молодая дама… и ваши лета… приятно видеть, ваше превосходительство, действительно, приятно видеть такое супружество… в цвете лет… Но не зовите людей… ради бога, не зовите людей… люди только будут смеяться… я их знаю… То есть я не хочу этим сказать, что я знаком с одними лакеями, – у меня тоже есть лакеи, ваше превосходительство, и всё смеются… ослы! Ваше сиятельство… Я, кажется, не ошибаюсь, я говорю с князем…

– Нет, не с князем, я, милостивый государь, сам по себе… Пожалуйста, меня не задабривайте вашим сиятельством. Как вы попали сюда, милостивый государь? Как вы попали?

– Ваше сиятельство, то есть ваше превосходительство… извините, я думал, что вы ваше сиятельство. Я осмотрелся… я обдумался – это случается. Вы так похожи на князя Короткоухова, которого я имел честь видеть у моего знакомого, господина Пузырева… Видите, я тоже знаком с князьями, тоже видел князя у моего знакомого: вы не можете меня принимать за того, за кого меня принимаете. Я не вор. Ваше превосходительство, не зовите людей; ну, позовете лю-

дей, что ж из этого выйдет?

– Но как вы сюда попали? – закричала дама. – Кто вы таковы?

– Да, кто вы таковы? – подхватил муж. – А я-то, душенька, думаю, что это васька у нас под кроватью сидит и чихает. А это он. Ах ты, потаскун, потаскун!.. Кто вы такой? Говорите же!

И старичок снова затопал по ковру ногами.

– Я не могу говорить, ваше превосходительство. Я ожидаю, покамест вы кончите… Внимаю вашим остроумным шуткам. Что же касается до меня, то это смешная история, ваше превосходительство. Я вам все расскажу. Это может все и без того объясниться, то есть я хочу сказать: не зовите людей, ваше превосходительство! Поступите со мной благородным образом… Это ничего, что я посидел под кроватью… я не потерял этим своей важности. Это история самая комическая, ваше превосходительство! – вскричал Иван Андреевич, с умоляющим видом обращаясь к супруге. – Особенно вы, ваше превосходительство, будете смеяться! Вы видите на сцене ревнивого мужа. Вы видите, я унижаюсь, я сам добровольно унижаюсь. Конечно, я умертвил Амишку, но… Боже мой, я не знаю, что говорю!

– Но как же, как вы зашли сюда?

– Пользуясь темнотою ночи, ваше превосходительство, пользуясь этою темнотою… Виноват! Простите меня, ваше превосходительство! Униженно прошу извинения! Я толь-

ко оскорбленный муж, больше ничего! Не подумайте, ваше превосходительство, чтоб я был любовник: я не любовник! Ваша супруга очень добродетельна, если осмелюсь так выразиться. Она чиста и невинна!

– Что? Что? Что вы осмеливаетесь говорить? – закричал старик, снова затопав ногами. – С ума вы сошли, что ли? Как вы смеете говорить про жену мою?

– Этот злодей, убийца, который умертвил Амишку! – кричала супруга, заливаясь слезами. – И он еще смеет!

– Ваше превосходительство, ваше превосходительство! Я только заврался, – кричал оторопевший Иван Андреевич, – я заврался, и больше ничего! Считайте, что я не в своем уме… Ради бога, считайте, что я не в своем уме… Честью клянусь вам, что вы мне сделаете чрезвычайное одолжение. Я бы подал вам руку, но я не смею подать ее… Я был не один, я дядя… то есть я хочу сказать, что меня нельзя принять за любовника… Боже! Я опять завираюсь… Не обижайтесь, ваше превосходительство, – кричал Иван Андреевич супруге. – Вы дама, вы понимаете, что такое любовь, – это тонкое чувство… Но что я? Опять завираюсь! То есть я хочу сказать, что я старик, то есть пожилой человек, а не старик, – что я не могу быть вашим любовником, что любовник есть Ричардсон, то есть Ловелас… я заврался; но вы видите, ваше превосходительство, что я ученый человек и знаю литературу. Вы смеетесь, ваше превосходительство! Рад, рад, что провокировал смех ваш, ваше превосходительство. О, как я рад,

что провокировал смех ваш!

– Боже мой! Какой смешной человек! – кричала дама, надрываясь от хохота.

– Да, смешной, и какой запачканный, – заговорил старик, в радости, что засмеялась жена. – Душечка, он не может быть вором. Но как он зашел сюда?

– Действительно странно! Действительно странно, ваше превосходительство, на роман похоже! Как? В глухую полночь, в столичном городе, человек под кроватью? Смешно, странно! Ринальдо Ринальдини, некоторым образом. Но это ничего, это все ничего, ваше превосходительство. Я вам все расскажу… А вам, ваше превосходительство, я новую болонку достану… удивительная болонка! Этакая шерсть длинная, ножки коротенькие, двух шагов пройти не умеет: побежит, запутается в собственной шерсти и упадет. Сахаром только одним кормить. Я вам принесу, ваше превосходительство, я вам непременно ее принесу.

– Ха, ха, ха, ха, ха! – Дама металась из стороны в сторону на диване от смеха. – Боже мой, со мной сделается истерика! Ох, какой смешной!

– Да, да! Ха, ха, ха! Кхи, кхи, кхи! Смешной, запачканный такой, кхи, кхи, кхи!

– Ваше превосходительство, ваше превосходительство, я теперь совершенно счастлив! Я бы предложил вам мою руку, но я не смею, ваше превосходительство, я чувствую, что я заблуждался, но теперь открываю глаза. Я верю, моя жена

чиста и невинна! Я напрасно подозревал ее.

– Жена, его жена! – кричала дама, со слезами на глазах от хохота.

– Он женат! Неужели? Вот бы я никак не подумал! – подхватил старик.

– Ваше превосходительство, жена – и она всему виновата, то есть это я виноват, я подозревал ее, я знал, что здесь устроено свидание, – здесь, наверху, я перехватил записку, ошибся этажом и пролежал под кроватью…

– Хе, хе, хе, хе!

– Ха, ха, ха, ха!

– Ха, ха, ха, ха! – захохотал наконец Иван Андреевич. – О, как я счастлив! О, как умилительно видеть, что мы все так согласны и счастливы! И жена моя совершенно невинна! Я в том почти уверен. Ведь непременно так, ваше превосходительство?

– Ха, ха, ха! Кхи, кхи! Знаешь, душечка, это кто? – заговорил наконец старик, освобождаясь от смеха.

– Кто? Ха, ха, ха! Кто?

– Это та хорошенькая, что глазки делает, с франтиком которая. Это она! Я бьюсь об заклад, что это жена его!

– Нет, ваше превосходительство, я уверен, что это не та; я совершенно уверен.

– Но, боже мой! Вы теряете время, – закричала дама, перестав хохотать. – Бегите, ступайте наверх. Может быть, вы их застанете…

– В самом деле, ваше превосходительство, я полечу. Но я никого не застану, ваше превосходительство; это не она, а уверен заране. Она теперь дома! А это я! Я только ревнив, и более вашего… Как вы думаете, неужели я их застану там, ваше превосходительство?

– Ха, ха, ха!

– Хи, хи, хи! Кхи, кхи!

– Ступайте, ступайте! А когда пойдете назад, так придите рассказать, – кричала дама, – или нет: лучше завтра утром, да приведите и ее: я хочу познакомиться.

– Прощайте, ваше превосходительство, прощайте! Непременно приведу; очень рад познакомиться. Я счастлив и рад, что все так неожиданно кончилось и развязались к лучшему.

– И болонку! Не забудьте же: болонку прежде всего принесите!

– Принесу, ваше превосходительство, непременно принесу, – подхватил Иван Андреевич, снова вбежав в комнату, потому что уже было раскланялся и вышел. – Непременно принесу. Такая хорошенькая! Точно ее кондитер из конфетов сделал. И такая: пойдет – в собственной шерсти запутается и упадет. Такая, право! Я еще жене говорю: «Что это, душечка, она все падает?» «Да, миленькая такая!» – говорит. Из сахару, ваше превосходительство, ей-богу, из сахару сделана! Прощайте, ваше превосходительство, очень, очень рад познакомиться, очень рад познакомиться!

Иван Андреевич откланялся и вышел.

– Эй, вы! Милостивый государь! Постойте, воротитесь опять! – закричал старичок вслед уходившему Ивану Андреевичу.

Иван Андреевич в третий раз вернулся.

– Я вот васьки-кота все не отыщу. Не встречались ли вы с ним, когда под кроватью сидели?

– Нет, не встречался, ваше превосходительство; впрочем, очень рад познакомиться. И почту за большую честь…

– У него теперь насморк, и все чихает, все чихает! Его надо высечь!

– Да, ваше превосходительство, конечно; исправительные наказания необходимы с домашними животными.

– Что?

– Я говорю, что исправительные наказания, ваше превосходительство, необходимы для водворения покорности в домашних животных.

– А!.. Ну, с богом, с богом, я только об этом.

Вышед на улицу, Иван Андреевич стоял долгое время в таком положении, как будто ожидал, что с ним тотчас же будет удар. Он снял шапку, отер холодный пот со лба, зажмурился, подумал о чем-то и пустился домой.

Каково же было его изумление, когда дома он узнал, что Глафира Петровна уже давно проехала из театра, уже давно как у ней разболелись зубы, как посылала за доктором, как посылала за пиявками и как она теперь лежит в постели и дожидается Ивана Андреевича.

Иван Андреевич ударил себя сначала по лбу, потом приказал подать себе умыться и почиститься и, наконец, решился идти в спальную комнату.

– Где это вы проводите время? Посмотрите, на кого вы похожи. На вас лица нет! Где это вы пропадали? Помилуйте, сударь: жена умирает, а вас не сыщут по городу. Где вы были? Уж не опять ли меня ловили, хотели расстроить свидание, которое я не знаю кому назначила? Стыдно, сударь, какой вы муж! Скоро пальцами указывать будут!

– Душечка! – отвечал Иван Андреевич.

Но тут он почувствовал такое смущение, что принужден был полезть в карман за платком и прервать начатую речь, затем что недоставало ни слов, ни мысли, ни духа… Каково же было его изумление, страх, ужас, когда, вместе с платком, выпал из кармана покойник Амишка? Иван Андреевич и не заметил, как, в порыве отчаяния, принужденный вылезть из-под кровати, сунул Амишку, в припадке безотчетного страха, в карман, с отдаленной надеждой схоронить концы, скрыть улику своего преступления и избегнуть таким образом заслуженного наказания.

– Что это? – закричала супруга. – Мертвая собачонка! Боже! Откуда… Что это вы?.. Где вы были? Говорите сейчас, где вы были?..

– Душечка! – отвечал Иван Андреевич, помертвев более Амишки, – душечка…

Но здесь мы оставим нашего героя, – до другого раза, по-

тому что здесь начинается совершенно особое и новое приключение. Когда-нибудь мы доскажем, господа, все эти бедствия и гонения судьбы. Но согласитесь сами, что ревность – страсть непростительная, мало того: даже – несчастие!..

Впервые опубликовано: «Отечественные записки», январь 1848 г. «Чужая жена (Уличная сцена)». Там же, декабрь: «Ревнивый муж. Происшествие необыкновенное». При подготовке издания 1860 г. Достоевский объединил два этих рассказа в одно произведение, при этом опустив начало второго рассказа; в издании 1860 г. Также были значительно изменены диалоги молодого человека и Ивана Андреевича.